

На правах рукописи

Гэн Цзе

**БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ *НЕБО-ЗЕМЛЯ* В РУССКОМ И
КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ
ФОЛЬКЛОРА)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Казань 2015

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики преподавания
федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского
языка и методики преподавания ФГАОУ ВПО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет
Фаттахова Наиля Нурийхановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, заведующий кафедрой
иностранных языков ФГАОУ ВПО «Казанский
энергетический университет»
Закамулина Миляуша Нурулловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных
языков и перевода ЧОУ ВПО «Институт экономики,
управления и права»
Туганова Светлана Владимировна

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Защита состоится 17 марта 2015 года в 12 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.081.05 при казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу
420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2 ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И.
Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань, ул.
Кремлевская, д.35). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте
Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан _____ 2015

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Ерофеева И.В.

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено рассмотрению семантики и функционирования в малых жанрах русского и китайского фольклора бинарной оппозиции *небо-земля/天-地 (тянь-ди)*.

Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью выявления общего и специфического в семантике и структуре фольклорного текста в русском и китайском языках. Фольклор представители Казанской лингвистической школы определяли как «языковое знание» (И.А.Бодуэна де Куртенэ), специфика его воплощена в особом, пралогическом, взгляде на действительность. Фольклор представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившей значимости в наше время, поэтому особенно актуальным изучение устного народного творчества представляется в настоящее время, когда растет интерес к историческому прошлому. Закономерным является появление в последние десятилетия большого количества работ, посвященных рассмотрению малых фольклорных жанров (сказки, загадки, пословицы, поговорки, приметы и т.п.), в которых отражается «нравственный голос народа» (В.И. Чернышев) и где заложены глубинные смысловые истоки формирования национальных картин мира. В Казанском (Приволжском) федеральном университете в течение последних двадцати лет ведется работа по изучению семантики, синтаксиса и прагматики народных примет в разноструктурных языках (Фаттахова Н.Н., Вагнер К.Р., Закиров М.И., Кулькова М.А., Тарасов А.А., Туганова С.В., Федорова Н.И.), а также других малых жанров фольклора. В рамках данного направления и находится наше исследование.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования диктуется необходимостью изучения малых народных жанров, ориентированных на бинарную оппозицию *небо-земля/天-地(тянь-ди)*, и ее воплощения в разноструктурных языках.

Объектом диссертационного исследования является языковая картина мира, представленная в фольклорных текстах различных жанров, что позволяет выявить специфику вербализации лексем *небо* /天(*тянь*) и *земля* /地 (*ди*) в русском и китайском языках.

Основная **цель** работы – дать полиаспектное сопоставительное описание малых жанров фольклора с компонентами *небо* /天(*тянь*) и *земля* /地 (*ди*) как бинарной оппозиции, отражающей небесный и земной коды русского и китайского языков и культур.

В соответствии с поставленной целью в диссертации предполагается решение **следующих задач**:

- определить основные подходы к изучению бинарных оппозиций в современных лингвистических исследованиях;
- выявить структуру значения лексем *небо-земля*/天-地 (*тянь-ди*) в русскоязычных и китайскоязычных лексикографических источниках;
- описать способы реализации концептов *небо-земля*/天-地(*тянь-ди*) в народных приметах и сказках; проанализировать парадигматические и синтагматические отношения концептов *небо-земля*/天-地(*тянь-ди*), акцентировав внимание на их сходстве и различии;
- выявить лингвокультурологический потенциал, свойственный фольклорным текстам различных жанров, определить их место в национальной культуре;
- осуществить свободный ассоциативный эксперимент среди жителей Китая и Российской Федерации; определить системные параметры основных несоответствий, возникающих в процессе межкультурной коммуникации.

Специфика цели и задач исследования обусловила обращение к различным **методам** лингвистического анализа: лексикографическому, описательному, сопоставительно-типологическому, методу интерпретации,

методу ассоциативного эксперимента, концептуальному и логико-семантическому анализам.

Материалом исследования послужила картотека объемом 2000 народных примет (1000 русских и 1000 китайских), отобранных путем сплошной выборки из таких сборников и словарей, как: В.И. Даль. Пословицы русского народа: в 4 т. – М., 1994; В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1989; А.С. Ермолов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: в 4 т. – СПб., 1905. – Т.4, Народное погодоведение; В.А. Степанов. Народные приметы о погоде (в четырех сезонах). – Казань, 1997; Приметы на каждый день / сост. О.Торпакова. – М.. 1996; Народный месяцеслов: пословицы, поговорки. Приметы, присловья о временах года и погоде / сост. Г.Д.Рыженков – М., 1992; Словарь русской ментальности. В 2 т. / сост. В.В. Колесов, Д.В.Колесова, А.А.Харитонов – СПб., 2014; Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. – СПб., 2006; С.И.Ожегов Толковый словарь русского языка. – М., 2009; Ю.С.Степанов. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997; Д.Н.Ушаков. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М., 2007; Н.Н.Фаттахова, М.А.Кулькова. Словарь народных примет. – Казань, 2013.; Китайские словари: Китайский толковый словарь Синь Хуа; Китайский словарь Кан Си; Китайский словарь словосочетания; Большой словарь китайских пословиц и поговорок Чжан Иньдун, Вэнь Дуаньчжэнь; Справочник Китайских примет «Тянь Цзя У Син».

Теоретической основой исследования послужили: исследования в области лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.А. Акишина, И.Р. Гальперин, Д.И. Изаренков, Н.Д. Зарубина, И.П. Лысакова, Г.И. Рожкова и др.); в области психолингвистики (В.В. Волков, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.). Важную роль сыграли работы по культурологии (Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров, Н.И.

Формановская и др.), базовые положения теории паремиологии и фразеологии: Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Амосова, Е.А. Арсентьева, Л.К. Байрамова, Т.Г. Бочина, Г.Х. Ахунзянов, В.П. Белянин, Ф.И. Буслаев, В. Виноградов, В.П. Жуков, А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, З.К. Тарланов, Н.М. Шанский); лингвофольклористики (Н.А. Иванова, М.А. Кулькова, Г.Л. Пермяков, Т.С. Садова, В.К. Харченко, О.Б.Христофорова, А.Т. Хроленко, Н.Н. Фаттахова); труды по сопоставительно-типологическому языкознанию (Б.А. Серебренников, А.Г. Садыкова, М.И. Солнышкина, Н.Н. Фаттахова, Р.Х. Хайруллин, В.Н. Хисамова, Р.А. Юсупов); труды китайских лингвистов Люй Шусян, Чжао Юньпин, Пэн Вэньчжао, Чжао Яньфан, Янь Юньхай и Тань Линь, Янь Шичжан, Ван Инь; китайских культурологов Чжао Лан, Шэнь Сяолун, У Кэли и мн.др.

Методологической основой диссертационного исследования являются труды лингвистов в области взаимодействия языка и культуры Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресян, И. Бодуэна де Куртэне, Т.В. Булыгиной, А.Вежбицкой, Э. Бенвениста, Л. Вейсгербера, В. Н. Виноградова, Л. Ельмслева, В.В. Колесова, О.А.Корнилова, В.А. Масловой, К. Леви-Строса, А.А. Леонтьева, Ю. Лотмана, М.В. Пименовой, А. Потебни, В. Телии, А.Д. Шмелева, Р. Якобсона, идея «языкового мировидения» В. Гумбольдта, гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, принцип функциональной относительности языков Д. Хаймса, уровневая модель языковой личности Ю.Н. Караулова. Понимание термина «картина мира» основывается на определении М. Хайдеггера и Л. Вайсгербера, основой разработки понятия «межкультурная коммуникация» стали работы С. Тер-Минасовой, а также понятие ЯКМ (языковая картина мира) в китайской лингвистике разработано в трудах Пэн Вэньчжао, Ван Ланься, Чжао Инцзюй; понятие «лингвокультурем» У Гохуа, Ян Сичан, гипотеза о связи языка и культуры Шэнь Сяолун, Чжао Лан и «межкультурная коммуникация» Ху Вэньчжун.

Научная новизна состоит в том, что в русские и китайские народные приметы, репрезентирующие бинарную оппозицию *небо-земля/天-地* (*тянь-ди*), впервые подвергаются комплексному анализу.

Бинарная оппозиция *небо-земля/天-地* (*тянь-ди*) постоянно рассматривается в философских, религиозных, культурологических работах (М.Мюллер, А.Н. Афанасьев, И.И. Срезневский, А.В. Лосев, В.Н. Топоров и др.)

Лексемы *небо и земля/天-地* (*тянь-ди*) являются объектом исследования как на материале отдельных языков (Г.Е. Гуляева, Е.Е. Демидова, К.С. Миронова, Е.П. Панасова, Н.П. Сидорова, Н.И. Федорова), так и в сопоставительном аспекте (Кривалёва О.В., Чжао Сюцин), в последние годы активизировалось изучение данных лексем в художественном тексте, при этом вне поля зрения исследователей остаются вопросы семантики и функционирования бинарной оппозиции *небо-земля/天-地* (*тянь-ди*) в малых жанрах русского и китайского фольклора, а именно: в народных приметах.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование русских и китайских народных примет вносит определенный вклад в решение проблем сопоставительной лингвофольклористики, а также в исследование русской и китайской картины мира как с формальной, так и с содержательной стороны.

Прикладная ценность диссертации заключается в возможности использования материалов и результатов проведенного исследования в курсе теории языка, теоретической грамматики, лексикологии и стилистики, результаты исследования также могут быть использованы на практических занятиях и семинарах по данным дисциплинам, курсах и спецкурсах по межкультурной коммуникации, сопоставительной паремиологии, лингвофольклористике, в практике создания двух и трёхязычных словарей и в процессе преподавания русского и китайского языков как неродных.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Бинарная оппозиция *небо-земля/天-地 (тянь-ди)* является универсальной для разных культур, самой древней, сложившейся и функционировавшей в наивной картине мира как отражение дологических, первобытных представлений о мире. Бинарные оппозиции предстают как основной принцип структурирования народных примет, с помощью которых выявляются и интерпретируются наиболее значимые категориальные противопоставления: верх/низ, много/мало, близко/далеко, урожай/неурожай.

2. Лексемы *небо-земля/天-地 (тянь-ди)* в сопоставляемых языках представляют собой бинарные оппозиции, что свидетельствует не только о противопоставлении, но и об устойчивой взаимосвязи в сознании носителей разноструктурных языков, что отражается и в языковой репрезентации: *Небо – риза господня, небеса – престол его, земля – подножие.*

3. Народная примета – это лингвокультурологический текст, специфика которого проявляется в лексической ограниченности условно-следственной пропозиции в сопоставляемых языках. В существительных номинативных полях *небо-земля /天-地 (тянь-ди)* находят отражение явления, которые координируются друг с другом в экстралингвистической действительности, что делает их значимым элементом народных примет.

4. Как сходство, так и различие реальных ситуаций, формирующих русские и китайские народные приметы, связаны с экстралингвистическими факторами, отражающими особенности климата, географического расположения, условий ведения хозяйства.

Апробация результатов исследования проводилась в рамках международных, всероссийских и региональных научных конференций. По теме диссертации опубликовано 8 статей, 3 из которых напечатаны в сборниках ВАК. Результаты и основные положения излагались на международных конференциях: Международном научно-практическом

семинаре «Язык профессионального общения и лингвистические исследования» (Белгород, 2009, 2010, 2011), на Международной научно-практической конференции «Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур» (Белгород-Харьков, 2009), XII конгрессе международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве» (Шанхай, 2011), Международной научно-практической конференции «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: Истоки развития» (Казань, 2013), Научной конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов «Русский язык: Лингвокультурный и функционально-дискурсивный аспекты» (Казань, 2014).

Структура работы: диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (206 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность, научная, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются цель и задачи исследования, определяются объект, предмет и методы исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические основы сопоставительного изучения малых жанров фольклора**» определяется понятие языковой картины мира как лингвистической реальности, затрагиваются вопросы соотношения научной и наивной, языковой и концептуальной картин мира, выявляется специфика фольклорной картины мира, дается определение концепту.

Установлено, что немаловажным компонентом формирования языковой картины мира является фольклор данного этноса, так как фольклор отражает первичные способы взаимодействия с окружающей средой, а также знания, имевшие определенное значение для данного этноса. Специфичным для фольклорной картины мира является то, что все имеющиеся представления зафиксированы в своеобразных кодах, обозначающих то или иное явление действительности. Отличительной чертой фольклорного текста и фольклорной семантики является и наличие уникального образа.

Также в первой главе представлены основные определения концепта. По мнению многих ученых (В.В.Воробьев, С.Г.Воркачев, В.И.Карасик и др.), концепт, являющийся базовым понятием когнитивной лингвистики, – это и содержание понятия и своеобразная ячейка культурного сознания народа, говорящего на каком-либо языке. Концепт – это потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов. Обращение непосредственно к концептуальной оппозиции «небо-земля» обусловлено тем, что данная оппозиция является одной из ключевых в русской и китайской концептосферах.

Кроме того, в первой главе аргументируется специфика бинарной оппозиции как способа организации фольклорного текста. Современные

научные изыскания часто обращаются к понятию «бинарная позиция», стремясь выявить в том или ином исследуемом объекте наличие так называемых «полярных» явлений, служащих отражением или одним из способов репрезентации исследуемого объекта. Необходимо подчеркнуть, что данная работа предполагает несколько усложненный вариант бинарной оппозиции: концепты «небо-земля» исследуются в двух лингвокультурах, что предполагает сопоставление каждого из концептов, а также «оппозиций» в целом.

Значительное внимание в главе уделяется обзору лингвистической литературы, которая посвящена народным приметам.

Предметной областью исследования концептов являются народные приметы русского и китайского языков. Обращение к приметам продиктовано несколькими причинами.

Во-первых, часто при анализе концепта исследователи обращаются к паремиологическому фонду, что выглядит вполне естественным, однако в качестве паремиологического фонда чаще всего приводятся пословицы и поговорки, хотя состав паремиологического фонда шире: он включает в себя различные малые жанры фольклора. Таким образом, народные приметы редко используются как сфера функционирования некоторого концепта.

Во-вторых, народные приметы представляют собой специфический жанр фольклора: для данного жанра непременно характерно наличие прогнозирования одной ситуации в зависимости от другой, в данной связи интересным представляется проследить, в качестве какого объекта (прогнозируемого или прогнозирующего) выступают концепты *небо* / 天 (*тянь*) и *земля* / 地 (*ди*). Подчеркнем, что к настоящему моменту функционирует несколько научных школ, исследующих различные аспекты примет:

1) лингвокультурологическая (Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова, К.Р. Вагнер, С.В. Туганова, М.И. Закиров, Н.И. Федорова);

2) структурно-функциональная (Г.Л. Пермяков, Е.Г. Павлова, В.К. Харченко, К.А. Богданов);

3) структурно-семантическая (О.Б. Христофорова, Н.Н. Иванова, Т.С. Садова).

Наше исследование представляет собой работу в русле научных идей Казанской паремиологической школы. Мы полностью разделяем точки зрения Н.Н. Фаттаховой и М.А. Кульковой относительно лингвистического статуса народной приметы: «народные приметы – это устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [Фаттахова 2004:4]; «народные приметы представляют собой устойчивые конструкции, как правило, выражающие прогноз в отношении метеорологических явлений либо сельского хозяйства на основе эмпирического опыта этноса в результате длительного взаимодействия с окружающей средой» [Кулькова 2006:26].

По нашему убеждению, народные приметы представляют собой устойчивые конструкции, в которых представлена условно-следственная связь между явлениями окружающей действительности.

В-третьих, народные приметы имеют различные способы репрезентации семантики предсказания, что побуждает нас проследить характер языковых средств при описании той или иной ситуации действительности.

Глава II **«Формирование русской и китайской языковой личности и ее отражение в фольклорных текстах»** посвящена анализу таких понятий, как доминанты национального менталитета, *пространство* в русской и китайской языковой картине мира, рассмотрены особенности формирования китайской языковой личности и ее отражение в фольклоре. Кроме того, описано отражение культурных ценностей в структурировании русских и китайских концептов *небо-земля*.

Исследования многих философов, культурологов относительно национального менталитета прежде всего были предприняты для того, чтобы вскрыть и детально описать специфику менталитета той или иной общности людей.

Так, выделяют аполлонический и дионисический типы менталитета. Дифференциация осуществляется по имеющимся доминантам. Доминантой в культуре аполлонического типа является умеренность, компромиссное поведение, сбалансированность, умеренное проявление эмоций. Совокупность перечисленных свойств при характеристике менталитета получила название «срединный путь». К подобного рода культурам принадлежит китайская культура. Доминантой в культуре дионисического типа считается стремление к крайности, в связи с чем у представителей данных культур особым уважением пользуется отсутствие страха, смирение, жестокость, проявление геройства.

Частое обращение в китайской культуре к миру природы с целью описания желательного и нежелательного поведения человека наводит нас на мысль о том, что природа, благополучие природы играли важную роль в жизни китайского народа на протяжении длительного периода, а также демонстрирует отношение представителя китайской культуры к природе вообще.

Так, в притче, посвященной описанию обращения человека с растениями, мы встречаем образное описание поведения человека: ...元若宋人然：宋人有闵其苗之不长而揠之者，芒芒然归，谓其人曰：‘今日病矣！予助苗长矣！’其子趋而注视之，苗则槁矣...: Крестьянин, посадив рис, с нетерпением ожидал богатого урожая. Но ростки, по его мнению, очень медленно набирали силу. Решив ускорить процесс, крестьянин стал каждый день тянуть каждый побег из земли. На следующее утро в поле не было ни одного живого растения.

Суть данной притчи кроется в бережном отношении к природе и запрете насильно изменять ход природных процессов. Автором притчи является 孟子 Мэн-цзы, последователь Конфуция.

Кроме запрета изменять ход естественных процессов, для китайского сознания важным является и проявление чувства справедливости, о чем

ведется речь во второй главе «公孙丑» («Гунсунь Чоу») книги孟子 Мэн-цзы.

При ответе на вопрос о понимании чувства справедливости философ использует следующую притчу:

«“敢问夫子恶乎长？”曰：“我知言，我善养吾浩然之气。”“敢问何谓浩然之气？”曰：“难言也。其为气也，至大至刚，以直养而元害，则塞于天地之间。其为气也，配义与道；无是，馁也。是集义所生者，非义袭而取之也。行有不慊于心，则馁矣。我故曰，告子未尝知义，以其外之也。必有事焉，而勿正，心勿忘，勿助长也。...天下之不助苗长者寡矣。以为无益而舍之者，不耘苗者也；助之长者，揠苗者也——非徒无益，而又害之。： Разуму не следует забывать о чувстве справедливости, так как оно помогает росту человека. Не следует походить на жителей царства Сун... В Поднебесной многие помогали расти всходам. Те люди, кто не думает о воспитании чувства справедливости, подобны тем, кто не обрабатывает побегов. Помогающие же росту побегов, подобны тем, кто тянет всходы из земли». Представленный перевод притч, ее анализ помогают лучше понять смысл китайских пословиц или же ченьюев.

Специфика восприятия окружающего мира китайским культурным сознанием позволяет выделить доминанты китайского национального менталитета, куда входят почитание и соблюдение человеком законов природы, восприятие человека себя как лица, ответственного за воспитание подрастающего поколения, и как субъекта, разумно относящегося к жизненным перипетиям.

В научной литературе среди объективных факторов, влияющих на формирование менталитета, природный фактор выделяется как ключевой, так как именно природная среда находится в непосредственном контакте с человеком. Кроме того, имеющиеся климатические условия (пустыня,

джунгли, горы) определяют вид сельскохозяйственной деятельности человека, а следовательно, и целостное восприятие мира (например, мировое дерево или тело кита).

Формирование менталитета определяется и количественным фактором нации, и ее возрастом. По мнению Л.Н. Гумилева, возраст этноса играет важную роль в процессе формирования менталитета, так как для каждой стадии этногенеза характерно специфическое восприятие окружающего мира, а также порождение ответной реакции на наблюдаемые события [Гумилев].

Доминанты менталитета китайского и русского народов обусловлены климатическими и геополитическими условиями проживания данных народов. Сформированные в процессе эволюции доминанты довольно полно и емко представлены в фольклоре каждого народа.

Установлено, что для определения специфики менталитета какого-либо народа важным является и изучение языковой личности. В данном случае речь идет о репрезентации сложившихся представлений определенной языковой личностью. Существенным является и тот факт, что понятие языковой личности включает не только специфику языковых средств, но и типичные психолингвистические особенности, отраженные в поведении представителя той или иной нации. Так, для китайской языковой личности характерна покорность и безынициативность. Для русской языковой личности характерным является инициативность, что выражается и в языковых средствах.

Разность культур накладывает отпечаток и на более частные вопросы, например, на особенности восприятия пространства. Анализ данных словарей, фольклорных текстов позволил сделать вывод о том, что русское восприятие базируется на безграничности пространства, причем внимание обращается на пространство как на горизонтальное образование. Китайское восприятие в корне отличается от русского, так как в основе представления о

пространстве находится противопоставление человека остальному живому миру по принципу сознательности осуществления действий.

Иероглифика явилась причиной развития конкретно-символической направленности китайского мышления, что отличается от абстрактно-понятийного мышления, заложенного в основе алфавитного письма и направленного на развитие образного восприятия и воображения. Иероглиф, представляя собой мотивированно-условный символ, воспринимается не как понятие, а как некоторый синкретичный образ, передающий информацию, значительно превосходящую ту, что может быть выражена посредством письменного слова. Рассмотрим названия стран, детальное прочтение которых позволит достаточно образованному китайцу выявить содержащийся в иероглифах символический смысл: Япония (日本 жи бен) – «Страна восходящего солнца: 旭日之国 (сюй жи чжи Го) 或者 太阳之国 (тай ян чжи Го)», Корея (朝鲜 чао сянь) – «Страна утренней свежести: 晨曦之国 (чэнь си чжи Го)», Тайланд (泰国 тай Го) – «Цветущее государство: 蓬勃之地 (пэн бо чжи Ди)», Вьетнам (越南 юэ нань) – «Страна крайнего юга: 南缘之地 (нан юань чжи Ди)», Индия (印度/天竺国 тянь чжу Го) – «Государство небесной веры: 信仰的国度 (синь ян дэ Го Ду)», Монголия (蒙古 мен гу) – «Тёмная страна: 蛮夷之地 (мань и чжи Ди)».

В системе иероглифов имеется отдельный знак для обозначения Китая (Поднебесной) иероглиф 中国 «чжун Го» («срединная / центральная держава: 中心国家 (чжун синь Го Цзя)»), утвердивший высокий уровень самосознания китайского этноса.

В сознании китайцев довольно прочно заложено чувство гордости, вызванное принадлежностью к самому многочисленному народу. Существенен тот факт, что названия остальных государств содержат иероглиф 外 «вай» (окраинный, чужой, внешний); прибывавшие в Китай

морским путем именовались иероглифом 外国 «вайгуй», который прочитывается как «заморские черти с окраины мира».

Осуществленный анализ топонимических единиц подчеркивает восприятие системы «Китай - иные государства»: для китайского мировосприятия характерно разделение пространства на «чужое» и «свое».

Собственно процесс осознания системы иероглифов актуализирует в сознании китайцев нетипичные для европейского восприятия кластеры информации, передающие сведения более ранних поколений.

В процессе восприятия иероглифов китайцы оказываются вовлечёнными в необычное для европейца этико-эстетическое смысловое поле, хранящее информацию, завещанную предыдущими поколениями. Синтез имеющихся в китайском сознании образов, актуализируемых в процессе чтения иероглифа, вовлекает в мыслительный процесс и интуицию. А в результате преобладания образного мышления при чтении системы иероглифов китайское мировосприятие опирается на художественно-образную модель отражения и восприятия действительности. Например, 已欲立而立人, 已欲达而达人; 又或: 己所不欲, 勿施于人 (Дела человеколюбивого человека имеют целью развить в Поднебесной то, что приносит выгоду; или Непременное желание Неба – взаимная любовь и помощь среди людей) [«论语·颜渊», 孔子].

Специфика восприятия концептов *небо* и *земля* также имеют существенные отличия в разных культурах, что связано с доминированием религиозной составляющей восприятия неба в целом. По мнению китайцев, небо способно вершить судьбы людей, и этим фактом мы объясняем отсутствие каких-либо отрицательных характеристик неба (например, *темное, пасмурное*). Приведенные в результате эксперимента слова-ассоциаты *утешение, спокойствие, тишина*, на наш взгляд, довольно точно раскрывают характер восприятия небесного пространства. В русском языковом сознании также имеется религиозная составляющая концепта *небо*,

однако наиболее распространенным является восприятие данных концептов как объектов не только наблюдения, способных менять свой цвет, свою высоту. Для русского языкового сознания естественным является сказать: *темное небо, пасмурное небо, низкое небо*.

В главе III «**Бинарные оппозиции небо – земля/天地 (тянь-ди) в русских и китайских народных приметах**» рассматривается функционирование лексем *небо* и *земля* в народных приметах, устанавливается их сходство и различие в парадигматическом и синтагматическом аспектах

Анализ народных примет в русском и китайском языках позволил выявить доминантные лексемы, наиболее значимые с точки зрения влияния на человека и его жизнедеятельность, прежде всего связанную с сельскохозяйственной деятельностью. Универсальность наивной метеорологии связана с использованием одинакового репертуара доминантных лексем. Специфичность проявляется в лексемах периферийного, недоминантного характера, сравнение которых позволило выявить как «избыточность», так и «лакуны» в приметах сопоставляемых языков, которые свидетельствуют о несомненных различиях в характере категоризации действительности. Такие приметы зачастую практичны и служат народным выражением понятия о климате данного места. В частности, в русском языке используется большое количество лексем, обозначающих то или иное состояние дождя и снега (*обложной дождь, косой дождь, губны дождь, грозовой дождь, ситник, изморось, падь, крупа, пороша*), в китайском языке таких лексем меньше.

Приметы русского языка строятся по григорианскому календарю, народный календарь связан с церковными святыми, поэтому специфической чертой русских примет является использование имени определенного святого, которое порой переименовывалось, делалось созвучным данному явлению с добавлением метких кличек и образных прозвищ. Для примет русского языка характерна четко выраженная темпорально-пространственная

ориентация предсказаний о погоде и урожае. Временной параметр передается с помощью облигаторных атрибутивных и обстоятельственных распространителей и содержит указание на время года, месяц года, часть суток, определенный день месяцеслова: *Коли дождь на **Петров день**, то сенокос будет мокрый; На **Казанскую** дождь лунки нальет - зиму приведет.*

Приметы китайского языка строятся по лунному календарю. Временной признаковый ряд в китайском языке реализуется в атрибутивных и обстоятельственных конкретизаторах с указанием на времена года, месяц года, часто с указанием точной даты, части суток, часто с указанием точного времени: *xia yu ge niu bei, qiu yu ge hui zui* (*Летний дождь - здесь дождь, там солнце*); / (*Второго мая идет дождь, дальше будет мало дождей и сухо в колодце*); *zao chen xia yu dang ri qing, wan shang xia yu dao tian ming* (*Если утром прошел дождь - рано перестанет, если вечером, то целый день дождь идет*), специфическую группу в китайском языке образуют приметы, построенные по лунному календарю, они основаны на описательном указании временного отрезка, имеющего конкретное временное значение, в частности, *конец жары* (период года с 22 по 24 августа); *белые росы* (один из 24-х периодов года с 8 по 9 сентября, переход с лета в осень): (*В «конец жары» солнечная погода – засуха или неурожай*); (*В «конец жары» ясная погода – неурожай*); (*После «белые росы» идет дождь – неурожай*); (*Если дождь идет в Цинмин (день поминовения усопших, 5-е число 4-го месяца по лунному календарю), то пшеница и горох хорошо растут (т.е. урожай).*

Внеречевые условия, обеспечивающие правильное понимание данных народных примет, представляют собой обязательный фонд общих для говорящего и собеседника знаний (пресуппозиций), предопределяющих их адекватное восприятие.

Доказано, что функционирование бинарной оппозиции *небо-земля* в народных приметах связано с прогностической сущностью примет, земное благополучие связано с небом, небесными светилами.

Указано, что народные приметы, реализуя когнитивную обработку накопленных знаний об окружающей действительности, репрезентируют их на языковом уровне при помощи атрибутивной и предикативной сочетаемости лексем. Основную часть предикативной сочетаемости концепта *небо* составляют глаголы движения, указывающие на динамическое либо статическое поведение объектов наблюдения, для концепта *земля* наиболее важными являются глаголы производства. Наиболее востребованными в аспекте атрибутивной сочетаемости является семантика цвета, формы, размера, удаленности.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что природные условия, оказавшие наибольшее влияние на формирование национальной ментальности, получили отражение в народных приметах, зафиксировавших наивный, ненаучный подход к категоризации действительности. Сопоставление систем народных примет, понимаемых как устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание, наиболее ярко демонстрируют сходство и различие, несовпадение признаков, которые лежат в основе наивной метеорологии.

В заключении подводятся основные итоги работы:

Осуществлено полиаспектное изучение бинарной оппозиции *небо-земля/天-地(тянь-ди)* в русских и китайских малых жанрах фольклора. Установлено, что бинарная оппозиция является универсальной для разных культур, самой древней, сложившейся и функционировавшей в наивной картине мира как отражение дологических, первобытных представлений о мире. Бинарные оппозиции предстают как основной принцип структурирования в разных жанрах фольклора, в частности в сказках и народных приметах, с помощью которых выявляются и интерпретируются наиболее значимые категориальные противопоставления: верх/низ, много/мало, близко/далеко, урожай/неурожай.

Лексемы *небо-земля/天-地(тянь-ди)* в сопоставляемых языках, представляя собой бинарные оппозиции, свидетельствуют не только о противопоставлении, но и об устойчивой взаимосвязи в сознании носителей разноструктурных языков, что отражается и в вербализации: *Небо – риза господня, небеса – престол его, земля – подножие*.

Народная примета – это лингвокультурологический текст, специфика которого проявляется в лексической ограниченности условно-следственной пропозиции в сопоставляемых языках. В существительных номинативных полях *небо-земля /天-地(тянь-ди)* находят отражение явления, которые координируются друг с другом в экстралингвистической действительности, что делает их значимым элементом народных примет. Как сходство, так и различие реальных ситуаций, формирующих русские и китайские народные приметы, связаны с экстралингвистическими факторами, отражающими особенности климата, географического расположения, условий ведения хозяйства.

В качестве перспективы дальнейшего исследования данной темы нам видится создание русско-китайского словаря малых жанров фольклора с компонентами *небо-земля*.

Основные положения настоящего диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях.

Статьи, в рецензируемых периодических изданиях, рекомендуемых ВАК

1. Гэн Цзе Исследование понятия «языковая картина мира» в современной китайской лингвистике / Гэн Цзе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – № 3. – Пятигорск, 2010. – С. 96-99.
2. Гэн Цзе Трансформация “вторичной” языковой личности в процессе межкультурной коммуникации / Гэн Цзе, Самосенкова Т. В. // Вестник ГОУВПО “Государственный университет управления”. – № 16. – Москва, 2010. – С. 35-38.

3. Гэн Цзе Сопоставительное рассмотрение лексем *солнце, луна и звезда*, составляемых ядро концепта небо в русских и китайских приметах / Гэн Цзе // В мире научных открытий. – № 11.2 (59). – Красноярск, 2014. – С. 986-992.

Статьи в прочих изданиях

4. Гэн Цзе Соотношение картины мира, языковой картины мира и концептуальной картины мира / Гэн Цзе // Журнал «VIEWS». – Пекин: Изд-во «VIEWS», 2009. – С. 70-71.

5. Гэн Цзе Язык и культура этноса / Гэн Цзе // XII КОНГРЕСС МАПРЯЛ: русский язык и литература во времени и пространстве: Сборник международных научной конференции (10-15 мая 2011 года). Т. 2. / Под ред. Вербицкой Л. А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Шанхай: Изд-во Shanghai foreign language education press, 2011. – С. 96-98.

6. Гэн Цзе Представления концепта *небо* и *земля* в китайском традиционном менталитете / Гэн Цзе // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: Истоки развития: материалы Международной науч.-практ. конф. Казань, 17-19 октября 2013 г. / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. совр. рус. яз. и метод. преп.; Под общей редакцией Н.Н. Фаттаховой. – Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2013. – С. 312-316.

7. Гэн Цзе Функционирование лексем *снег* в русских и китайских приметах / Гэн Цзе // Русский язык: Лингвокультурный и функционально-дискурсивный аспекты: материалы Научной конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2014. – С. 170-175.

8. Tsze Gen THE FUNCTION OF LEXICAL ITEMS RAIN AND SNOW IN RUSSIAN AND CHINESE FOLK OMENS / Nailya Fattakhova, Tsze Gen, Naylya Fedorova // INTERNATIONAL MULTIDISCIPLINARY SCIENTIFIC CONFERENCE ON SOCIAL SCIENCES AND ARTS – BULGARIA: SGEM2014. – С.194-200.